

Интерес к русской морфонологии, пробужденный трудами Н.С. Трубецкого 20–30-х годов прошлого века и с особенной силой проявившийся в 60-е, 70-е и 80-е годы (работы Т.В. Булыгиной, В.Г. Чургановой, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, А.К. Поливановой, А.В. Исаченко, Д.С. Ворты и др.), казалось, полностью сошел на нет в наше время вместе с общим поворотом лингвистики от формальной стороны языка к его семантическим, функциональным и коммуникативным аспектам. Но вот появляется монография по русской морфонологии И.Б. Иткина, и становится ясно, что эта область отнюдь не закрыта, что еще многое в ней оставалось нерешенным и невыясненным – как в теоретическом, так и в практическом плане. Молодой автор, вооруженный свежим взглядом и хорошим знанием современной лингвистики, совершает в некотором роде ревизионный рейд по русской морфонологии в обоих смыслах слова морфонология: он берется заново разобраться и в науке морфонологии, ее концептуальном аппарате, и в самой морфонологической эмпирии, т.е. в корпусе фактов, относящихся к русской морфонологии, в ее правилах и закономерностях. В подобных ревизиях нуждается время от времени каждая дисциплина, и морфонология, «отлежавшаяся» в течение нескольких десятилетий, может быть, не в последнюю очередь.

Книга написана в жанре «горячего» диалога с предшественниками, которым принадлежат опыты изучения крупных фрагментов русской морфонологической системы (словообразования имени и словоизменения глагола у В.Г. Чургановой, словообразования в целом у В.В. Лопатина, словообразования имени у А.К. Поливановой, глагольной морфонологии у Н.Е. Ильиной), а также с Т.В. Булыгиной, В.Б. Касевичем, А.В. Исаченко, Д.С. Вортом, Р.О. Якобсоном и другими теоретиками русской и общей морфонологии. И.Б. Иткин, кажется, не претендует на построение собственной законченной теории и целостного описания морфонологии русского языка, он скорее выявляет «болевы́е точки», т.е. не учтенные, недообъясненные или ошибочно, с его точки зрения, интерпретированные факты, для которых предлагаются новые объяснения. Тем не менее все даваемые автором конкретные трактовки морфонологических явлений строятся исходя из целостного представления о морфологии и морфонологии русского языка. Думаю, что И.Б. Иткин – один из очень немногих, кто сейчас владеет всей полнотой сведений о русской морфонологии и кто спосо-

бен при решении любого частного вопроса предвидеть все последствия этого решения для интерпретации других частных явлений.

Эту книгу читать трудно, в ней слишком велика концентрация информации и подчас не хватает разъяснений и экспликации подразумеваемых логических звеньев. К тому же естественное побуждение читателя проверить содержащиеся в книге утверждения собственным языковым знанием наталкивается на необходимость «переводить» эти знания на язык автора и принимать его исходные постулаты (не всегда эксплицитно выраженные), относящиеся не только к собственно морфонологии, но и к морфологии словоизменения и словообразования, и к фонологии, и к лексике. Правда, надо сказать, что по мере чтения доверие к автору возрастает, потому что часть возникающих при чтении сомнений и вопросов разрешается в дальнейшем изложении (или по мере усвоения читателем исходных позиций автора).

Книга начинается со списка сокращений и условных обозначений, который занимает пять страниц и поражает своим педантизмом: он включает даже такие общепринятые сокращения, как г. – год, т.е. – то есть, т.к. – так как, и т.д. – и так далее. На этом фоне кажется странным отсутствие расшифровки таких знаков, как *S* с верхним индексом *j* и надписанным сверху плюсом (см., например, с. 132), как используемые в формальной записи правил простые и перечеркнутые знаки равенства, конъюнкции, дизъюнкции, включения, как разные виды скобок и т.п. В список гласных морфем (с. 263) включены четыре вида *e* (все с дополнительными цифровыми индексами), но в тексте встречается и обычное *e* без всяких индексов (с. 134, 149, 159 и др.), никак не объясненное. Нет расшифровки сокращений ДВ (с. 214), НС-структуры (с. 236), индекса *Pej* (пейоративное) и др.

Структуру книги тоже трудно назвать прозрачной и логически стройной: некоторые явления обсуждаются несколько раз в разных частях (чередования с нулем, чередования *e ~ a* после шипящих и др.), а общая композиция книги в сравнении, например, с монографиями Чургановой или Лопатина кажется хаотичной, из-за чего книгой трудно пользоваться как справочником по русской морфонологии. В книге две части: первая – теоретическая, вторая – «эмпирическая», посвященная анализу конкретных морфонологических чередований русского языка. Между этими частями нет прямой связи, потому что в теоретической части дается не система постулатов

дальнейшего описания, а излагается позиция автора по наиболее дискуссионным общим вопросам морфонологической теории (предмет морфонологии, разграничение автоматических и морфонологических чередований, аналитический или синтетический подход, направленность чередований, единицы морфонологии, понятия субморфа и интерфикса и др.), а эмпирическая часть носит наполовину критический, наполовину «автодидактический» характер, т. е. строится сначала на критике (порой весьма резкой) существующих по обсуждаемому вопросу мнений, а затем на изложении и аргументации собственных представлений автора о данном явлении морфологии и морфонологии и его формальных и функциональных характеристиках. Прямое отношение к предлагаемому описанию имеют, пожалуй, лишь два существенных и вызывающих полное сочувствие положения теоретической части – о предпочтении синтезирующего («порождающего») подхода аналитическому и динамического подхода статическому, дескриптивному.

Эмпирическая часть книги состоит из пяти разделов (параграфов), выделенных по разным признакам и на разных основаниях: 1) чередования на границе между предлогом (приставкой) и основой, 2) чередования на границе между основой и суффиксом, 3) структура глагольных словоформ и морфонология глагола (куда, однако, входят и некоторые вопросы именного словообразования), 4) чередования, специфичные для отдельных суффиксов (сюда входят и некоторые вопросы глагольной морфонологии), 5) чередования, характерные для всей морфонологической системы русского языка.

Вся русская морфонология описана в книге посредством сформулированных автором 124 правил, большинство из которых, согласно утверждению автора, не имеет исключений. Это кажется невероятным для русского языка с его огромным числом нерегулярностей, индивидуальных отклонений и уникальных форм. Такая стройность достигается во многих случаях за счет значительного ограничения сферы действия правил и сложности формулируемых условий правила, а платой за нее оказывается во многих случаях утрата естественности постулируемых условных исходных форм. Автору приходится постоянно выбирать между простотой правил и простотой (естественностью) исходных представлений и жертвовать одним в пользу другого.

Следование синтезирующему подходу, при котором морфонология занимает один из верхних (конечных) уровней языкового представления, надстроенный над морфологическим (словообразовательным и словоизменительным) уровнем, предполагает иерархиче-

скую последовательность морфонологических преобразований (соответственно иерархии словоизменительных и словообразовательных отношений) в противоположность «плоской» морфонологии, устанавливающей правила и условия их действия в одной плоскости, применительно к морфам, взятым исключительно в их исходных, «словарных» формах, без учета их «реального» (что не значит «поверхностного») вида в структуре производящей основы. Иначе говоря, при синтезирующем подходе в морфонологических представлениях должен соблюдаться принцип непосредственно составляющих: в слове *свечка* не должно усматриваться переходное смягчение *т ~ ч* перед суффиксом *-к*, поскольку результат этого изменения уже представлен в мотивирующем *свеча* и суффикс присоединяется не к исходу *-т*, а к исходу *-ч* (*светить* → *свеча* → *свечка*); аналогично в *одолжение*, *обнажение* не следует констатировать переходное смягчение *г ~ ж* (от *одолжить*, *обнажить*). Трудно также согласиться с автором, считающим, что в прилагательном *паучий* представлено чередование *т ~ ч* (с. 104)<sup>1</sup>, поскольку оно образовано от *паук* и имеет стандартное чередование *к ~ ч* (ср. *бык* – *бычий*, *кролик* – *кроличий*). Точно так же в слове *тянучка* нет основания усматривать чередование корневого *-г* (*тяг-*) с нулем (с. 93), поскольку это слово образовано от основы глагола *тянуть* (из *тяг-нуть*), в которой *-г* уже не присутствует (ср. *толкать* – *толкучка*, *липать* – *липучка*, *трясти* – *трясучка* и т.д.). Сингармонизм глаголов на *-отать* и *-етать*, о котором говорится на с. 204–205, на самом деле наследует сингармонизм производящих имен, ср. *топот* – *топотать*, *грохот* – *грохотать*, *гогот* – *гоготать* и т.д. и *щебет* – *щебетать*, *лепет* – *лепетать* (но и *лопотать*), *трепет* – *трепетать* и т.д. Нельзя сказать, что И.Б. Иткин во все игнорирует эту зависимость морфонологии от деривации (словообразовательной и словоизменительной), поскольку в некоторых случаях он признает и учитывает «деривационную историю» основ как морфонологический фактор (ср., например, с. 176), однако этот принцип не проводится последовательно.

Примером неестественного решения мне представляется трактовка причастного суффикса *-виш-/-иш-* как содержащего беглый глас-

<sup>1</sup> Мне кажется неудачным и приводимый на с. 145 пример *сволочь* – *сволота* (якобы с чередованием *к ~ т*), ибо здесь мы имеем дело с продуктивной моделью собирательности (ср. *беднота*, *мелкота*, простореч. *наркота*, *лимита*).



ный (в записи автора [vo'ʃl]) на том основании, что перед ним сохраняются согласные, в том числе *т* и *д*, в исходе глагольной основы (*обретший, шедший, увядший* и т.д.) вопреки сформулированному автором общему правилу, по которому «в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании *т* и *д* выпадают перед всеми суффиксами, начинающимися с любой согласной, кроме *т*» (с. 90). Может быть, стоило иначе, менее категорично формулировать правило? Ведь если согласные (в том числе *т* и *д*) сохраняются перед именным суффиксом *-ш-* (*музыкантша, регентша*), о чем упоминает автор, а также в других аналогичных позициях<sup>2</sup>, то и причастные формы на *-ш-* могли бы объясняться иным, более естественным образом. Более того, если бы правило образования действительных причастий прош. вр. на *-вш/-ш-* применялось не к исходному виду глагольной основы, а к реальной производящей основе – форме муж. рода ед. числа прош. вр., выбор между вариантами *-вш-* и *-ш-* был бы очень простым: у глаголов всех классов (в том числе «атематических» с вокалическим ауслаутом) суффикс прош. вр. *-л* заменяется на *-вш-* (*кусал – кусавший, писал – писавший*, аналогично *крикнувший, побледневший, видевший, рисовавший, любивший, дувший, мавший, жавший, давший, евший, кравший, почивший*), а глаголы без суф. *-л* в этой форме (т.е. оканчивающиеся на согласный) присоединяют *-ш-* (*обмякший, возникший, поблекший, высохший, стерегший, несший, толокший, терший, падавший*). И только атематические глаголы а.п. *б* с инфинитивом на *-сти*, имеющие в исходе основы *-т* и *-д*, которые выпадают перед суф. *-л*, в форме причастия «восстанавливают» эти выпавшие согласные и закономерно присоединяют *-ш* (*обрел – обретший, цвел – цветший, плел – плетший, пришел – пришедший*); так же ведет себя один глагол на *-нуть*: *увянуть – увял – увядший*<sup>3</sup>. Таким образом,

<sup>2</sup> Ср. также *худший, младший, младше, лучший, лучше, низший, высший*.

<sup>3</sup> При таком решении форма *толокший*, сохраняющая беглый гласный в корне (ср. *толкла, толкли, толку*), которую автор считает дополнительным доказательством наличия беглого гласного в суффиксе *-вш/-ш-*, также не являлась бы исключением, поскольку она «наследует» форму производящей основы. Этот же пример, а также формы *умерший, тёрший* (*умереть – умер, тереть – тёр*) показывают, что производящей основой причастий является не просто основа инфинитива, а именно основа формы муж. рода ед. числа.

правило Якобсона, сформулировавшего главный принцип русской глагольной морфонологии: закрытые основы присоединяют открытые аффиксы с вокалическим анлаутом, а открытые основы присоединяют прикрытые аффиксы с консонантным началом, остается неизблемым, вопреки критике И.Б. Иткина (с. 126), но оно действует в рамках «иерархической», а не «плоской» морфонологии.

Можно было бы согласиться с И.Б. Иткиным, что глаголы типа *кусать, рисовать, болеть*, которые, по мнению Якобсона, имеют в исходе основы *j* (*кусаj-, болеj-*), усекаемый в формах прош. вр. перед консонантным аффиксом, легче описывать как имеющие в исходе основы гласную (*куса-, боле-*), а *j* трактовать как эпентезу перед гласными аффиксами в формах наст. вр. (по существу это единственное возражение автора Якобсону), но в этом случае оказывается, что *j*, предшествующий личным окончаниям наст. вр., в формах *кусаю, болею* и в формах *сую, кую, рисую* трактуется по-разному: в первом случае – как консонантная эпентеза, во втором – как тематический элемент, представляющий собой результат чередования тематического *a* с *j*, перед которым происходит чередование *ов* → *у*. Очевидно, что такое решение тоже уязвимо, и его преимущества не абсолютны – они действительны только в системе описания, принятой автором<sup>4</sup>.

Правило перехода *ов* → *у* в позиции перед любым согласным (с. 147–148) И.Б. Иткин применяет и к многочисленным глаголам на *-нуть* (что кажется автору свидетельством силы самого правила), для которых, следовательно, приходится принимать исходную форму основы на *-нов-* (т.е., например, *крикнов + ть* > *крикнуть*) на том основании, что некоторые из этого обширного класса глаголов имеют именные дериваты на *-ование*: *проникнуть – проникновение, вдохнуть – вдохновение, возникнуть – возникновение* и т.д., где, согласно принятому правилу, перед суффиксом *-ение* с вокалическим анлаутом переход *ов* > *у* отсутствует. Все сходится, но какой ценой! Дериватов на *-ование* от глаголов на *-нуть* всего менее десятка (*исчезновение, дерзновение, возникновение, проникновение, столкновение, прикосновение, дуновение, отдохновение*) плюс несколько существительных с гипотетическими мотивационными свя-

<sup>4</sup> Как показала В.Г. Чурганова, следовавшая в трактовке этих глаголов за Якобсоном, противоположное представление тоже вполне возможно.

зями или аномальной формой<sup>5</sup>, тогда как самих глаголов – больше тысячи. Но главное даже не это. Для личных презентных форм этих глаголов (*крикну, крикнешь, крикнет* и т.д.) никак нельзя принять исходной основу на -ов, поскольку в настоящем времени личные окончания этих глаголов, спрягающихся по образцу «атематических» (консонантных) глаголов I спряжения (т.е. подобно *стать – стану, станешь, вести – веду, ведешь, брать – беру, берешь* и т.д.), имеют вокалический анлаут, при котором -ов по сформулированному правилу должен сохраняться (т.е. должны получиться формы *\*крикнуву, \*крикновешь* и т.д.).

Между тем соотношение форм на -у и -ов (*рису-ю ~ рисов-ать, возникну-ть ~ возникновение*), казалось бы, естественнее объяснять на основе противоположно направленного чередования *у → ов*, происходящего в позиции перед гласным – темой *а*, суф. -ение, -енный (-у-ать, -у-ение, -у-енный → -овать, -ование, -овенный)<sup>6</sup>; то же было бы верно для глаголов на -ить, которые в этом случае не выпадали бы из общего правила: *вдохнуть –*

*вдохновить* (так же *стану – становить*)<sup>7</sup>. Такое направление, соответствующее истории (ср. в польском *ksić* ‘ковать’, *snuć* ‘снывать’), представляется и более естественным: преобразование сочетания *у* с последующим гласным должно быть признано более мотивированным, чем преобразование сочетания *ов* с последующим согласным; в этом случае естественней бы объяснялись и слова типа *кузнец* и *клюв*. Но этому простому и естественному решению препятствует принятая автором трактовка тематического элемента глаголов на -ить как согласного *j*, который перед консонантными аффиксами чередуется с *и* (с. 129–130)<sup>8</sup>, а также признание мотивирующей глагольной основой во всех случаях только основы инфинитива (что не кажется обязательным, поскольку это противоречит принципу предсказуемости при выборе исходной формы)<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Каузативы на -ить от вокалических основ регулярно используют *в* в качестве консонантной эпентезы при стечении гласных: *стать – ставить и становить, слыть – славить, плыть – плавить, \*труть* (ср. польск. *truć*) – *травить, вдохнуть – вдохновить*.

<sup>8</sup> Такое весьма экстравагантное решение автор аргументирует тем, что в русском языке «нет бесспорных примеров перехода *и* в *j* перед гласным, ср. *почить – почю* (не *\*почью*)» (с. 130). Но, во-первых, в форме *почю* и находится не перед гласным, а перед «эпентетическим» *j*, и при этом под ударением, а, во-вторых, в гипотетической форме *\*почью* мы имели бы не переход *и* в *j*, а выпадение безударного *и* и сохранение *j* (ср. *Мария* и *Марья, Анастасия* и *Настасья, София* и *Софья; Евдокия*, но *Дарья, Прасковья, Агафья* при сохранении *и* в случае скопления согласных: *Клавдия, Агния, Евламбия*).

<sup>9</sup> Ср. у В.Г. Чургановой: «Морфонологический характер выбора вариантов основы позволяет рассматривать данные варианты как результат преобразования единой глагольной основы, за полный вид которой принимается непредсказуемый вариант» (В.Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973. С. 206). При этом у закрытых глагольных основ непредсказуемый вариант выступает в настоящем времени, а у открытых – в основе прошедшего времени (с. 206–207). Между тем в книге И.Б. Иткина на с. 165 дается весьма сильное и категорическое утверждение: «при образовании отглагольных производных в РЯ в функции мотивирующей основы всегда выступает основа инфинитива (например, *искать – ищет, искатель, поиск*, а не *\*ищетель, \*поищ*)». Непонятно, почему основа определяется только консонантными признаками, а аб-

<sup>5</sup> К ним относятся: *преположение* (*\*преположить?*, *\*преполовинить* с усечением -ин-?), *благословение* (*\*слыть?*), *мановение* (*\*мануть?*), *поползновение* (*\*поползнуть?*), *усекновение* (*\*усекнуть*), *поминование, упоминование* (*\*помянуть, \*упомянуть* с заменой корневого -я- на -и-), *обыкновенение* (*\*обыкнуть*), *повиновение* (*\*повинуться?* – от *повиноваться* должно быть *повинование*, от *повиниться* – *повинение*, от *\*повиновиться* – *повиновение*). Аналогично образованы абстрактные имена от глаголов *быть* (*забвение* – без *о*), *омыть* (*омовение*), *открыть* (*откровение*).

<sup>6</sup> Формы отглагольного имени и страдат. причастия прош. вр. от глаголов на -нуть с этими суффиксами (*вдохновение, поползновение, усекновение, проникновенный, обыкновенный* и т.д.) сосуществуют с причастиями на -т, образованными стандартным путем от инфинитивной основы тех же глаголов (*кинутый, двинутый, стиснутый, воткнутый* и т.д., ср. *проникнутый и проникновенный, упомянутый и упомяновенный, воткнутый и преткновение*); тот же параллелизм характерен для -*быть* (*забытый и забвенный, забытье и забвение*), -*крыть* (*открытый и откровенный, открытие и откровение*), -*мыть* (*омытый и омовенный, мытье и омовение*). Различие заключается в том, что суф. -т, -тие имеют консонантный анлаут, а -ение, -енный – вокалический, требующий при вокалическом исходе основы преобразования исхода основы и устранения зияния (путем вставки эпентетического в).



Мне трудно согласиться с предложенной трактовкой глаголов на *-овать* и *-нуть* еще и потому, что в других случаях для того же *-ов* в той же позиции (перед согласным) постулируются другие преобразования этого элемента основы без четкой мотивации каждого чередования: наряду с *ов* → *у* (для *рисовать* – *рисую*, *дерзнуть* – *дерзновение*) – *ов* → *ы* (*рыть*, *мыть* и т.п.), *ов* → *о* (*рою*, *крою* и т.п.), *ов* → *ој* (*вой*, *мойка* и т.д.) (с. 153–155)<sup>10</sup>.

Безусловным достоинством книги является стремление автора к исчерпывающему охвату всех относящихся к тому или иному формулируемому правилу лексических фактов и всех отклоняющихся от правила «исключений». Однако в ряде случаев, когда приводимый список объявляется полным, он тем не менее содержит лакуны. Так, очень ценный сам по себе «закрытый» список морфем, имеющих полногласные и неполногласные варианты (с. 270–271), почему-то не включает корней *веред-* ~ *вред-* (*привередливый* – *вредный*), *борозд-* ~ *бразд-* (*борозда* – *бразды* правления), *ворог-* ~ *враг-* (*вражеский* – *лютый ворог*, вероятно, также *ворожить* – см. у Фасмера), *борон-* ~ *бран-* (*оборона* – *поле брани*), *полот-* ~ *плат-* (*полотно* – *платок*), *солод-* ~ *слад-* (*солод* – *сладкий*). К коллекции примеров на чередование *н* ~ *ш* (с. 118–120) могут быть добавлены *поварешка* (из *поваренная ложка*), *матрешка* (из *Матрена*); стоило бы также учесть продуктивность гипокористических имен типа *Иван* – *Ивашка*, *Александр* – *Саня* –

лаутные признаки основы не принимаются во внимание: например, в дериватах *гонка*, *вызов*, *разбор*, *затор*, *рисунок*, *мойка*, *присядка* и т.п. представлена не основа инфинитива, а презентная основа, тем не менее это называется лишь ступенью чередования гласных, а не другим видом основы. Вообще надо сказать, что понятие основы слова и прежде всего глагольной основы нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении. Мне кажется, что фетишизация единой глагольной основы (а именно – основы инфинитива) как базы всех деривационных изменений искажает картину морфонологических отношений и приводит к построению неестественных и излишне сложных схем преобразований.

<sup>10</sup> Заметим, что при противоположном направлении чередования (*у, ы, о, ој* → *ов*), мы имели бы, вместо разных изменений **одного и того же** элемента в одних и тех же условиях, одинаковые изменения **разных** элементов в одних и тех же условиях, что логически более естественно.

*Сашка* (далее *Саша*), *Арина* – *Аришка* (*Ариша*), *Ирина* – *Иришка* и др., а также устойчивый параллелизм гипокористик типа *Маня* – *Маша*, *Миня* – *Миша*, *Гриня* – *Гриша*, *Груня* – *Груша*, *Паня* – *Паша* и т.п. и близких к ним форм типа *маманя* – *мамаша*, *папаня* – *папаша*.

На с. 82 случаи типа *во имя*, *во изменение*, *во здравие* и т.п., где, вопреки предлагаемому правилу, предлог имеет вокализованный вид, остроумно объясняются тем, что здесь выступает не вокализованный вариант предлога *в*, а архаичный и непродуктивный предлог *во* с целевым значением. Однако можно привести другие выражения с целевым значением, где тем не менее употребляется невокализованный предлог, ср. *во имя* мира – и *в знак* дружбы, *во здравие* и – *в память* (ради памяти), *во изменение* и – *в продолжение*, *в дополнение*, *в заключение* (чтобы продолжить, дополнить, заключить); ср. также *в благодарность*, *в пользу*, *в противовес*, *но во вред* и т.п.

Список существительных «типа *игла*» (так у автора), имеющих беглый гласный в последнем слоге основы, который не проявляется в словоизменении, но проявляется в словообразовании (с. 226), мог бы быть пополнен за счет *магистр* – *магистерский*, *министр* – *министерский*, *бургомистр* – *бургомистерский*, а также ряда слов жен. рода с отсутствующей или затруднительной формой Род. мн.: *тайга* – *таёжный*, *кайма* – *каёмка*, *литва* – *литовка*, *литовский*, *тесьма* – *тесёмка*, *тьма* – *тёмный*, *махра* – *махорка*, *волиба* – *волибебный*, *Вязьма* – *Вяземский*. Продуктивность правила упрощения двойных согласных (с. 121–123) подтверждается также дериватами от словосочетаний с прилагательными или причастиями: *подённый* – *поденка*, *военный* – *военка*, *продленный* – *продлёнка*, *брошенный* – *брошенка* и т.п.

На с. 110 к корням, «никогда не сохраняющим мягкость», отнесены *цепь*, *кровь*, *дробь* и т.п., между тем они «сохраняют» мягкость в словоизменении, выбирая флексии Род. мн. «мягкого типа» *-ей*, Тв. мн. *-ями* (*цепей*, *цепями*, *дробей*, *дробями*), а также в ряде случаев при словосложении (*цепевидный*, *кроветворный*). Вообще вопрос о так называемой ингерентной мягкости основ в теоретическом и практическом плане еще не может считаться решенным.

При рассмотрении чередования *л* ~ *л'* перед *ч* (с. 120–121) утверждается, что «непосредственно перед *ч* *л* никогда не смягчается», – следовало бы как-то отвести хотя бы позиции перед суффиксом *-чик* (типа *стул* – *стульчик*, *укол* – *укольчик*, *палец* – *пальчик* и т.п.). Странным кажется и утверждение, что «сложные отглагольные существительные с

помощью суффикса *-щик*, как правило, не образуются» (с. 181) – а как же многочисленные и продуктивные названия профессий и занятий типа *газосварщик, лесозаготовщик, снегоуборщик, механосборщик, корообдирик* и т.п.?

В списке отглагольных сложных слов с суф. *-к(а)*, образованных по модели с усечением тематического показателя (с. 176), не учтены производные от глаголов *молоть* (*кофемолка*), *ломать* (*камнемолка*), *бить* (*маслобойка*), *мыть* (*пескомойка*), а среди глаголов, сохраняющих тематический показатель, – *тестомесилка, льнотеребилка*<sup>11</sup>. Положению о том, что «образования с суф. *-щик* от вторичных имперфективов регулярно сохраняют» тематический показатель, противоречат случаи типа *растирищик, протирищик, сдирищик, отжимщик* (соответственно от *растирать, протирать, сдирать, отжимать*).

Попытку установить строгие правила преобразования конечных согласных основы перед нулевым субстантивным суффиксом, безусловно, следует приветствовать, тем более, что И.Б. Иткин претендует на исчерпывающие списки примеров каждого типа (с. 133 и сл.). Эффект представленного здесь переходного смягчения назван гиперйотацией, при этом остается непонятным, как соотносятся между собой понятия переходное смягчение, йотация и гиперйотация. Тот факт, что в этой словообразовательной модели представлен как эффект переходного смягчения (ср. *падь, резь, кладь, смесь* и т.п.), так и эффект переходного смягчения (*вождь, невежда, грыжа, свеча, вопль, стужа, пряжа, ноша* и т.п.), заставляет автора разделить эту модель на две – в одной постулируется нулевой смягчающий суффикс, в другой – суффикс *j* и соответственно переходное смягчение (гиперйотация).

<sup>11</sup> Интересное объяснение явлению сохранения или усечения тематических показателей производящей глагольной основы в данном типе производных, предложенное автором, согласно которому усечение характерно для производных от словосочетаний типа *рубить мясо* → *мясорубка*, а сохранение показателя – для дериватов типа *копалка* (для *картофеля* → *картофелекопалка*, все-таки не проходит, поскольку, во-первых, в русском языке отсутствуют такие «простые» существительные, как *выжималка, доилка, ворошилка, плющилка*, а, во-вторых, даже когда «простые» существительные есть, сложные слова могут быть образованы от словосочетаний: *ворошить сено* → *сеноворошилка, молотить лен* → *льномолотилка, косить сено* → *сенокосилка* и т.д.

Однако у основ с исходом на заднеязычные, шипящие и мягкие согласные, как известно, непереходное и переходное смягчение не различаются (совпадают в своем эффекте). Если видеть в таких существительных, как *течь, речь, печь, мощь, доля*, результат переходного смягчения, то их следует добавить в приведенный список отглагольных существительных с гиперйотацией (с. 133–134), а в список отадъективных – включить еще *горечь, зелень, синь, ровня, родня* и т.п.; список слов на йотированную губную при любой трактовке можно пополнить словами *грабли* и *воплъ*, а список дериватов прилагательных – словом *толща*. Наконец, непонятно, почему слова *рукосуй* и *чистоплюй* попали в список примеров гиперйотации – ведь конечный *j* в них может пониматься и как «консонантизатор» (термин автора). В приводимый на с. 132 список примеров йотации ошибочно попало чередование *ц ~ ч*: *немец – онемечить – онемечу*, в котором представлено непереходное смягчение, ср. *здоровый – оздоровить* (а не *\*оздоровить*) – *оздоровлю, прямой – выпрямить – выпрямлю* и т.п., а «чередования» шипящих в позициях йотации логичнее было бы объединить с аналогичными «чередованиями» мягких согласных, о которых речь идет на следующей странице.

По многим поводам И.Б. Иткин высказывает свое неприятие аналогии как аргумента при объяснении того или иного морфонологического явления. Это не может не вызывать сочувствия, поскольку за ссылкой на аналогию часто скрывается отсутствие понимания подлинных причин явления. Но – аналогия может быть и часто бывает проявлением продуктивности и «силы» некоторой модели и ее экспансии на формы, не удовлетворяющие исходным условиям правила. В этом случае аналогия, безусловно, – факт языка, один из механизмов языкового развития, и отмахнуться от нее невозможно. Например, глаголы на *-еть* образуют дериваты на *-ение* без йотации (*опустеть – опустение, онеметь – онемение*), а глаголы на *-ить*, несравненно более многочисленные, – с йотацией (*опустить – опущение, кормить – кормление*). Под влиянием более сильной модели деривации глаголов на *-ить* и частой «парности» глаголов обоих типов (*ослабеть и ослабить, охладеть и охладить* и т.д.) производные от глаголов на *-еть* принимают (по аналогии!) модель с йотацией: *охладеть – охлаждение* (чувства охладели – охлаждение чувств), *протрезветь – протрезвление, вертеть – верчение* при *облысеть – облысение, полеветь – полевание, сидеть – сидение* и т.д. (без йотации).

Несмотря на обилие вопросов, сомнений и возражений, из которых здесь высказаны далеко не все, книга И.Б. Иткина кажется мне замечательной, потому что в ней предложено много существенных уточнений и дополнений к имеющимся или даже считавшимся убедительными и полными толкованиям морфонологических явлений русского языка (распределение собственно-русских и церковнославянских рефлексов переходного смягчения согласных *т* и *д*; выявление акцентологических факторов, влияющих на морфонологические преобразования; распределение *-ти* и *-ть* в формах инфинитива; чередование *е ~ а* после шипящих; беглость гласных и многое другое) и выявлено много новых явлений, до сих пор не получавших интерпретации или признававшихся неподдающимися строгому описанию (морфонологическая структура глаголов типа *мять* и типа *бить*, глаголов *быть*, *дать*, *петь*; правило мены тематических глагольных морфем в спряжении и отглагольном словообразовании; правило распределения «консонантизаторов» *т*, *в*, *й*, *л* в отглагольном словообразовании; чередова-

ние *к ~ т* и многое другое). Возможно, некоторые из спорных вопросов могли бы быть прояснены или сняты дополнительными объяснениями автора, а какие-то мои сомнения и возражения вызваны недопониманием позиции автора или даже недоразумением. Мое главное расхождение с подходом автора носит «идеологический» характер: мне кажется, что задача описания русской морфонологии должна состоять не в том, чтобы «все сошлось» исходя из постулированных правил, а в том, чтобы понять, как устроен язык и в частности его морфонологический уровень, каковы механизмы и условия морфемных преобразований, пусть даже какие-то правила будут иметь ограниченную сферу действия или исключения. Надо признать, что автор во многих случаях достигает искомой формальной красоты, но, **несмотря на** эту красоту и принесенные ей жертвы, ему удастся найти и объяснить то, что до сих пор не удавалось объяснить или даже заметить. За это ему спасибо.

С.М. Толстая